

СТРАНЫ СОВЕТОВ. 1941 - 1945

1985, июль, №3

НАКАНУНЕ 40-летия нашей Великой Победы тает перечитывать то, что было создано литературой о войне в годы войны. О войне в годы войны — читаешь такое, и возникает явственное ощущение, будто к горячему, неостывшему прикасаешься. Душой, памятью, незаживающей раной прикасаешься...

С первого до последнего дня Великой Отечественной советские писатели были вместе со сражающимся народом, приняв на себя то, что принял на свои плечи сам народ. Все для фронта, все для победы — для писателя это значило: весь талант, все свои творческие и духовные силы отдать воюющей Отчизне.

В этом смысле Леонид Леонов не был исключением, писатель, общественный деятель, патриот — тот Леонов, которого мы «проходили» еще в школе. Который на долгие годы стал неотрывен от духовной жизни нашего общества...

А перечитав произведения Леонида Леонova военного времени, нельзя не обратиться к другим его — довоенным и послевоенным — книгам, без которых непредставим творческий облик этого крупного советского писателя. Это как ценная реакция: чтение одной книги влечет за собой желание прочесть следующую. И становится ясным: повесть «Взятие Великошумска», пьеса «Нашествие», публицистика военных лет, как бы значительны они ни были, являются лишь одной из составных частей творчества Леонova.

Вспомним прозу, которая прочным камнем легла в фундамент советской литературы, — «Барсуки», «Вор», «Соть», «Саранча», «Скутаревский», «Дорога на Океан» и, конечно же, «Русский лес». И что характерно — книги Леонида Леонova, горячо поддерживаемые Горьким и Луначарским, возникали будто отзвук эпохальных событий, переживаемых Советской страной. Поразительна жизненная достоверность его произведений. Писатель неизменно шел от «живой жизни», в основу его книг ложился материал, добытый личным опытом и преобразованный в литературу ярким, самобытным талантом.

Леонид Леонов был среди тех, кто после гражданской войны, едва сняв с себя красноармейскую шинель, ждал сказать о пережитом свое слово в литературе. Какие имена! Дмитрий Фурманов, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Константин Федин, Всеволод Иванов — каждый из них это целый литературный материк. Творчество Леонида Леонova — его проза и драматургия — тоже огромный материк. Его контуры на карту советской литературы Леонов начал наносить в 1922 году, когда были опубликованы первые произведения. И до сегодняшнего дня писатель работает упорно, целеустремленно.

НО ВЕРНУСЬ к теме разговора. Я отчетливо помню, как впервые прочел «Взятие Великошумска» где-то в конце апреля сорок пятого. В Берлине еще шли уличные бои, а мы штурмом взяли Кенигсберг, и война в Восточной Пруссии закончилась. Для нашей дивизии по крайней мере закончилась до августа того же сорок пятого, когда пришлось повоевать и на Востоке, против милитаристской Японии. Ну, это иная тема, а тогда, в апрельские денечки сорок пятого, в круговерти обрушившихся на нас смотров, парадов, собраний, совещаний, занятий по боевой и политической подготовке выдавались окошки свободного времени, и можно было позагорать, покурить в речушке (с риском подорваться на mine), почитать.

Как не окончательно растерявшийся на войне замаскированный интеллигентный юноша, я выбрал чтение, полнотелдальцы снабдили меня нетолстой книжкой, изволив пошутить: «Овладевай изящной словесностью! Не все же тебе матюкаться в бою!» Увы, интеллигентный юноша мог и это неплохо делать — ругаться, война научила. Но война — если всерьез — научила и главному: отличать правду от вранья, научила быстро и неотвратно. Особенно это касается того, что связано с самой войной. Уж мы-то, прошедшие ее насквозь, знали, что она такое.

Так вот, сорок лет назад больше всего меня поразила правдивость «Взятия Великошумска». Автор не влезал в тонкости военного дела — он «влезал» в тонкости психоло-

командарма ли, а может, и от туда, и от туда. Тут нет рецептов. Хотя, не исключаю, тот самый синтез таит в себе больше художественных возможностей.

А меж тем Леонид Леонов сорокалетие назад этот метод использовал во «Взятии Великошумска!» Не его, конечно, открытие, если иметь в виду, допустим, «Войну и мир» Льва Толстого или — ближе к нам — «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Но в прозе, посвященной Великой Отечественной войне, Леонид Леонов едва ли не первым использовал такой — разномасштабный —

командарма ли, а может, и от туда, и от туда. Тут нет рецептов. Хотя, не исключаю, тот самый синтез таит в себе больше художественных возможностей.

И Литовченко отвечал с волнением, точно это был урок, заданный тридцать лет назад; и он знал, что старику мало только пространного отчета о материальных благодеяниях или перечисления параграфов еще не полностью осуществленной программы.

«Слушай, милый мой старик. Завтра бой, а нынче мое вре-

конфликтов, напряженность действия, сложность, многомерность образов. За первоначальным значением у Леонova обычно открывается другое, глубинное, потом еще более глубинное, в итоге уже встают глобальные обобщения.

Леонид Леонов тяготеет не столько к «ровным» характеристикам и судьбам, сколько к запутанным, сплосканным — и все-таки выпрямляющимся. Емкими, самобытными характерами населено «Нашествие»: врач Иван Тихонович Таланов, его жена Анна Николаевна и дочь Ольга, предрайисполкома Колесников, старая Демидаевна и ее внучка Аниска. Но по праву центральным образом пьесы стал сын Талановых — Федор.

Перенесший жесточайшие удары судьбы, обиженный и обидевшийся, Федор Таланов сумел в лихую для Родины годину побороть свои заблуждения и свое одиночество, податься до самопожертвования во имя победы над захватчиками, во имя счастья народного. Русский, советский человек не может существовать вне Отчизны, его подлинная радость — в неразсторжимом единстве с отчим краем. И прекрасный, пленительный образ Родины незримо витает над всем, что происходит в «Нашествии».

Гневными, емкими, обличительными красками рисует Леонид Леонов оккупантов, посягнувших на нашу матерую Родину, всех этих Виббелей, Шпурре, Кунцов; убийцы, грабители, насильники — вот их суть. Пожалуй, с еще большим отвращением нарисованы гитлеровские прихвостни, предатели своего народа: Фаонин, Кокорышкин, Мосальский — фигуры страшные, но обреченные, как и их хозяева.

Неоправданными были бы упреки в психологической неразработанности, в однобокости характеров гитлеровцев и их приспешников. По-моему, хорошо уже то, что они заявлены, обозначены резко и непримиримо,

СЛОВО ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

взгляд на войну. И, надо признать, использовал весьма успешно. Да, сорок лет назад, А мы и по сей час копя помем...

Рассуждая о «Взятии Великошумска», наверно, нужно упомянуть черту, свойственную всей прозе и драматургии Леонova, вытекающую из самой сути его дарования. Эта черта — **объемность** творчества. Вероятно, объемность, как я ее понимаю, присуща каждому крупному писателю, однако на примере Леонида Леонova она острее наиболее.

По моим представлениям, в повести «Взятие Великошумска», как и в остальных своих произведениях, писатель работает сразу в трех, что ли, измерениях: в глубину (не боится докопаться до истоков характера, судьбы, социального явления), в ширину (старается раздвинуть действие «в стороны») и в высоту (дает историческую перспективу, «прогнозирует» завтрашний день). Это и создает впечатление удивительной многогранности бытия, сложности, противоречивости и вместе с тем осмысленности того, что исследует писатель.

Глубокие жизненные конфликты и полнокровные человеческие характеры — первейшие качества леоновских произведений, в том числе и повести «Взятие Великошумска». Подчеркну неразсторжимую взаимосвязанность этих качеств: в серьезных, не облегченных конфликтах, в драматических столкновениях полнее могут проявить себя действующие лица, и чем они, действующие лица, содержательнее как личности, чем они богаче мыслями и страстями, тем напряженней происходит столкновения между ними. Во «Взятии Великошумска» отчетливо проступает присущее Леониду Леонову мастерство в воссоздании портретов, быта, обстановки, природы.

Отдельно следует сказать о языке повести, о ее стилистике. Вот эпизод беседы генерала Литовченко со своим старым школьным учителем Кульковым:

«Они сидели молча, великий вопрос читался в молчанье старика: «Чем возмстит история неоплатную человеческую муку, причиненную войной? Чем вознаградит она труд современ-

взгляд на войну. И, надо признать, использовал весьма успешно. Да, сорок лет назад, А мы и по сей час копя помем...

Рассуждая о «Взятии Великошумска», наверно, нужно упомянуть черту, свойственную всей прозе и драматургии Леонova, вытекающую из самой сути его дарования. Эта черта — **объемность** творчества. Вероятно, объемность, как я ее понимаю, присуща каждому крупному писателю, однако на примере Леонида Леонova она острее наиболее.

По моим представлениям, в повести «Взятие Великошумска», как и в остальных своих произведениях, писатель работает сразу в трех, что ли, измерениях: в глубину (не боится докопаться до истоков характера, судьбы, социального явления), в ширину (старается раздвинуть действие «в стороны») и в высоту (дает историческую перспективу, «прогнозирует» завтрашний день). Это и создает впечатление удивительной многогранности бытия, сложности, противоречивости и вместе с тем осмысленности того, что исследует писатель.

Глубокие жизненные конфликты и полнокровные человеческие характеры — первейшие качества леоновских произведений, в том числе и повести «Взятие Великошумска». Подчеркну неразсторжимую взаимосвязанность этих качеств: в серьезных, не облегченных конфликтах, в драматических столкновениях полнее могут проявить себя действующие лица, и чем они, действующие лица, содержательнее как личности, чем они богаче мыслями и страстями, тем напряженней происходит столкновения между ними. Во «Взятии Великошумска» отчетливо проступает присущее Леониду Леонову мастерство в воссоздании портретов, быта, обстановки, природы.

Отдельно следует сказать о языке повести, о ее стилистике. Вот эпизод беседы генерала Литовченко со своим старым школьным учителем Кульковым:

«Они сидели молча, великий вопрос читался в молчанье старика: «Чем возмстит история неоплатную человеческую муку, причиненную войной? Чем вознаградит она труд современ-

взгляд на войну. И, надо признать, использовал весьма успешно. Да, сорок лет назад, А мы и по сей час копя помем...

Рассуждая о «Взятии Великошумска», наверно, нужно упомянуть черту, свойственную всей прозе и драматургии Леонova, вытекающую из самой сути его дарования. Эта черта — **объемность** творчества. Вероятно, объемность, как я ее понимаю, присуща каждому крупному писателю, однако на примере Леонида Леонova она острее наиболее.

По моим представлениям, в повести «Взятие Великошумска», как и в остальных своих произведениях, писатель работает сразу в трех, что ли, измерениях: в глубину (не боится докопаться до истоков характера, судьбы, социального явления), в ширину (старается раздвинуть действие «в стороны») и в высоту (дает историческую перспективу, «прогнозирует» завтрашний день). Это и создает впечатление удивительной многогранности бытия, сложности, противоречивости и вместе с тем осмысленности того, что исследует писатель.

Глубокие жизненные конфликты и полнокровные человеческие характеры — первейшие качества леоновских произведений, в том числе и повести «Взятие Великошумска». Подчеркну неразсторжимую взаимосвязанность этих качеств: в серьезных, не облегченных конфликтах, в драматических столкновениях полнее могут проявить себя действующие лица, и чем они, действующие лица, содержательнее как личности, чем они богаче мыслями и страстями, тем напряженней происходит столкновения между ними. Во «Взятии Великошумска» отчетливо проступает присущее Леониду Леонову мастерство в воссоздании портретов, быта, обстановки, природы.

Отдельно следует сказать о языке повести, о ее стилистике. Вот эпизод беседы генерала Литовченко со своим старым школьным учителем Кульковым:

«Они сидели молча, великий вопрос читался в молчанье старика: «Чем возмстит история неоплатную человеческую муку, причиненную войной? Чем вознаградит она труд современ-

взгляд на войну. И, надо признать, использовал весьма успешно. Да, сорок лет назад, А мы и по сей час копя помем...

Фото 1944 г.

Беседа в таком духе продолжается довольно долго, пока не выяснится: она приснилась генералу Литовченко. Но и наяву и он сам, и другие герои повести выясняются на некоем усложненно-риторическом языке, и потому иным современникам кажется, что язык, стилистика повести вступают в известное противоречие с суровым, грозным предметом повествования — войной, следовательно, это излишне патетично, пафосно, даже театрально, и что последующая наша «военная проза» не пошла по этому стилистическому направлению. Что не пошла — возможно (хотя кое-кто и пришел), а вот что леоновская стилистика противоречит теме — то здесь нельзя судить с внеисторических позиций. В самом деле, когда написано «Взятие Великошумска», в какое время? Во всяком случае, не в восьмидесятые годы, а в сороковые с их духом, приподнятости, громкой патетикой. Закономерно, что эпоха накладывает свой неизгладимый отпечаток на литературное и прочее творчество.

А что касается некоторой условности, «театральности» повести «Взятие Великошумска», как и вообще леоновской прозы, то скажу так: это не недостаток писателя, а органическое свойство его таланта. И не случайно потому столь значительное место в его творчестве занимает как раз театр. Не будет натяжкой говорить о существовании театра Леонova. На сценах страны и за рубежом шли и идут его пьесы. И среди них, быть может, самая знаменитая — «Нашествие».

КАК И «Взятие Великошумска», «Нашествие» создано по горячим следам военных событий, в сорок первом — сорок втором годах. Вот уж разительный пример творческой оперативности, не поступившейся художественностью. Да, это пьеса высоких художественных достоинств, которую можно не только играть, но и читать.

Верно подмечено, что иные его пьесы возникали как драматургический вариант образов и концепций, имевших первоначально повествовательную форму. К «Нашествию» это не относится, это никакой не отсвет его прозы, «Нашествие» — театр, и лишь театр. В этой пьесе как бы сфокусированы все плюсы леоновской драматургии: значимость проблем и

Олег СМЕРНОВ